

УДК 32.019.51 (ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ)

О КОММУНИКАТИВНОМ СМЫСЛЕ МЕДИАТИЗАЦИИ

© 2008 Д.И. Шаронов

Тамбовский государственный технический университет

Поступила в редакцию 24 июня 2008

Аннотация: статья посвящена критическому анализу концепций медиатизации общественного пространства в отечественной и зарубежной исследовательской литературе. С позиций системной методологии выявлена ограниченность тезиса о роли масс медиа как средства передачи значимой информации. Использование элементов мистификации в журналистской практике объясняется эффектами стратегического фрейминга. Социальные последствия медиатизации рассматриваются как в аспекте укрепления общественной солидарности, так и в плане урегулирования конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: медиатизация общественного пространства, масс медиа, социальная система, коммуникация, стратегия, фрейминг.

Abstract: the article concerns the critical analysis of the public sphere mediization concepts in Russian and foreign scientific literature. The limitations of mass-media role as a significant communication channel are revealed from the point of system methodology. The usage of mystification elements in journalistic practices is explained through the effects of strategic framing. Social consequences of mediization is reviewed not only as the aspect of social solidarity strengthening, but as the aspect of conflicts adjustment as well.

Key words: mediization of the public sphere, mass media, social system, communication, strategy, framing.

Вечером в среду, 13 декабря 2006 года, в «экстренном специальном выпуске новостей» бельгийский государственный телеканал РТБФ шокировал аудиторию сообщением о выходе Фландрии из состава королевства. Факт распада страны удостоверял репортаж с места событий: массовые митинги ликующих сепаратистов на городских улицах, блок-посты и проверка документов на вновь образовавшихся государственных границах, презентация валюты нового суверенного государства. Событие активно комментировали в прямых включениях действующие политики страны, символизирующей собой ядро и двигатель европейской интеграции.

Мало кто из потрясенных сенсацией зрителей заметил промелькнувший на экране в самом начале трансляции титр: «Это могло бы быть и не вымыслом». Заметившие же, по-видимому, не уловили

утонченности содержащегося в нем послания, намекавшего на розыгрыш в духе бельгийского художника-сюрреалиста Рене Магритта. Сюжетная линия телепередачи местами действительно напоминала пьесу из репертуара театра абсурда, увенчавшись «взрывом» брюссельской телебашни и «спешным вылетом королевской четы в Киншасу».

Не обращая никакого внимания на намеренно подбрасываемые им элементы фарса, подданные бельгийской короны впали в транс абсолютного доверия мистификаторам. Последовавшие за пиком разразившегося тогда общенационального скандала опросы зафиксировали 89 % обманувшихся поначалу реципиентов. Характерно, что 6 % из них продолжали пребывать в замешательстве даже после того, как были официально уведомлены ведущим с экрана о фиктивности содержания просмотренного сюжета. Предчувствуя надвигающуюся смуту, некоторые из них поспешили к банкоматам в надежде спасти хоть какие-то личные сбережения.

© Шаронов Д.И., 2008

В декабре 2006 некоторые местные политики расценили тот «срочный специальный выпуск теле-новостей» как подстрекательство к государственному перевороту и потребовали немедленного и серьезно-го расследования произошедшего. Премьер-министр Бельгии Ги Верхофстадт назвал программу неудачной шуткой дурного тона, подчеркнув, что миссия государственной телевизионной службы — правдиво информировать публику, а не вносить путаницу.

Сами же авторы проекта уверяли, что нормы журналистской этики были соблюдены. Подлинный эффект столь рискованного мероприятия, с их точки зрения, заключался в пробуждении патриотического чувства единения в самых широких слоях бельгийского общества. Ведь уже через три дня после инцидента сработали социальные сети: тысячи граждан добровольно вышли на Дворцовую площадь Брюсселя с черно-желто-красными флагами Бельгии, спели федеральный гимн «Брабансонну». В день, когда минуло 12 месяцев с момента показа, под стенами вещательного центра вновь прошли массовые демонстрации. Комментируя небывалую мощь волны общественного резонанса, генеральный директор РТБФ Жан-Поль Филиппо заявил: «Скажу, что если бы оказался в той же ситуации, что и в прошлом году, я непременно снова выпустил бы тот сюжет. Ну, сущую мелочь бы изменил: наложил бы электронную плашку «Это шутка». Мы ввели публику в заблуждение, хотя заблуждаться мог только совершенно оторванный от жизни субъект» [1].

Как видим, в эпоху глобальной информатизации общественный дух одной из наиболее благополучных стран Европы оказался в смятении, поддавшись на явную провокацию тележурналистов. Можно допустить: их ирония оказалась слишком уж ко времени ввиду специфичности реалий национального политического контекста, а авторы проекта действительно были обеспокоены ростом сепаратистских настроений в обществе. Но для исследователя массовых коммуникаций данный случай особо интересен ввиду возможности его сопоставления с историческими аналогами в более широкой перспективе. Дело в том, что бельгийский инцидент наглядно иллюстрирует феномен, охарактеризованный известными американскими специалистами Л. Беннетом и Р. Энтманом как общемировая тенденция к «медиазации» политики. Авторы полагают, что именно коммуникативные аспекты политических процессов должны составить ныне центральное звено проблематики изучения перемен глобального масштаба, определяющих восприятие общественных коллизий рядовыми гражданами в условиях демократии [2, 1].

Упреждая возможные разночтения термина «медиазация», следует признать, что сам по себе он не обозначает пока сколько-нибудь устоявшегося

в академическом смысле понятия. Русскоязычная его версия появилась лишь в 1991 году [3, 32]. С самого начала термин использовался в целях описания особой технико-технологической инфраструктуры, призванной обеспечить индивидуальный и коллективный доступ ко всем духовным богатствам информационной цивилизации. Впоследствии некоторые социологи, правоведы, исследователи систем массовой коммуникации заговорили о «медиазации общества» как становлении особого типа социального пространства. Заметим, что сама по себе идея институционального посредничества при упорядочении межличностных контактов в социуме не нова. Но защитники теорий «медиа-кратии» (или «теледемократии») настаивают на действительно революционном характере перемен. Отдельные авторы даже опасаются появления особых неототалитарных форм контроля за личностью, базирующихся на методах «косвенного, скрытого воздействия на массы, статистического программирования их сознания и поведения» [4, 256].

Чтобы не впасть в преувеличения, следует уточнить некоторые смысловые нюансы определения понятия. Действительно, исходный латинский оригинал — *medium* — в современном обыденном словоупотреблении отсылает к фигуре посредника, через которого вещают потусторонние голоса в ходе спиритических сеансов. Однокоренное же производное — «медиа» — стало активно внедряться в терминологический оборот относительно недавно в роли синонима громоздкого словосочетания «средства массовой информации». В отечественной исследовательской литературе уже появляются попытки его концептуализации. Например, Н.Б. Кириллова убеждена, что все смысловое богатство «медийности», как важнейшей категории современного образа жизни, не может быть втиснуто в узкую схему банального посредничества. «Перед нами транслирующий канал, построенный на идеологических, эмоциональных и даже подсознательных ожиданиях аудитории... Медиа — это не просто средство для передачи информации, это целая среда, в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды» [5, 22]. Эта эволюция от «средства» к «среде» знаменует собой становление особого коммуникативного «пространства медиакультуры», где интерпретирующее понимание образно-символических посланий следует рассматривать как ключевую предпосылку социализации личности, интенсивного ее приобщения доминантной системе ценностей.

Если следовать этой логике, то выяснение со-держательной стороны процесса «медиазации» заключалось бы в акценте на непрерывном росте объединительного потенциала систем общения. Но случай с РТБФ, напротив, по определению входит в круг профессиональных интересов кон-

фликтологов. В этой связи можно вспомнить и о другом аспекте институционального опосредования социальных взаимодействий – современных технологиях медиации или посредничества в спорах. Специалисты по «улаживанию проблем» (медиаторы) могут иметь официальный или неформальный статус, управлять конфликтами разного масштаба на любых уровнях социальной организации [6, 216-218]. Очевидно, что свой особый вклад в разрешение общественных противоречий способны обеспечить и журналисты. Но в таком случае центральной их задачей становится соблюдение действительного нейтралитета относительно всех вовлеченных в конфликтные взаимодействия сил и постоянное расширение круга конструктивных альтернатив, обозначающих контуры возможных компромиссов.

Представляется, что функции медиации в указанном выше техническом смысле пересекаются с реальными масс-медийными практиками лишь очень косвенным образом. Напротив, журналисты слишком часто оказываются склонны действовать стратегически в интересах тех или иных кругов. Риска упростить ситуацию, отметим, что инсценировка РТБФ представляется не столько граждански ответственным шагом руководства канала, сколько неотъемлемой частью политической стратегии франкофонных сторонников единства страны. Сама же акция слишком напоминала яростную «психическую атаку» на сонно-обывательское общественное мнение: вот вам, мол, картинка возможных трагических последствий столь недопустимого в настоящий момент благодушия! Стратегия алармизма оказалась ситуативно уместна, а значит, эффективна. Разумеется, свою роль сыграли тут и статус канала, и пиаровское чутье драматургов и режиссеров спектакля, и изрядная доля авантюризма со стороны согласившихся участвовать в нем политических деятелей. Наконец – стоит отметить это особо – виртуозный семантический монтаж, чрезмерно убедительная маскировка событийного ряда под новостной сюжет в режиме реального времени.

Следует признать: в этом свете позиции исследователей, склонных акцентировать манипулятивную суть процессов медиатизации, выглядят вполне обоснованными. Так, критически анализируя соотношение интересующих нас терминов, Л.М. Землянова подчеркивает, что «в коммуникативистике медиация ассоциируется с посреднической ролью масс-медиа, которые информационным путем выясняют суть конфликтов, способствуют либо препятствуют их разрешению. Но понятие медиации может трактоваться и как проявление преобразующей функции СМИ, которые в процессе сбора, обработки («фильтрации») и передачи информационных данных о фактах реальности способны их видоизменять (или ис-

кажать), придавая им свои медиатированные значения (mediated meanings), возникающие в ходе фабрикации мнимых образов (событий) реальности. Исследователи, критикующие процессы такого рода для подчеркивания интенсивности их влияния на общественное сознание и бытие, на судьбы культуры, употребляют термин... медиатизация» [7, 84]. В последнем случае имеется в виду концепция «колонизации жизненного мира», разработанная в трудах немецкого мыслителя Ю. Хабермаса.

Можно добавить, что аналогичные терминологические соотношения обнаруживаются и в англоязычной социологии коммуникаций. Например, известная теория структуриции Э. Гидденса содержит концепт «опосредованности опыта» (mediated experience). В эпоху Модерна экспансия электронных медиа, стремительно «несущих» результаты социального взаимодействия сквозь пространственно-временные интервалы, не могла не привести к утрате непосредственности массового восприятия в рамках общественных систем. Вторжение в повседневность информации об отдаленных событиях, полагает Э. Гидденс, «подорвало традиционную связь между «социальной ситуацией» и ее «физическими основаниями»: медиатированные социальные ситуации конструируют неведомые доньше типы сходств и различий в рамках устоявшихся форм коллективного опыта» [8, 84]. Иными словами, по мере глобализации социум усложняется, становится менее предсказуемым, стохастичным. При этом повышается и автономия системных референций: режим самовоспроизводства общественных практик отныне все более зависит от правил функционирования медиа и циркулирующих в их контурах информационных ресурсов.

В целях маркирования аналогичного круга идей другой известный исследователь, Дж. Томпсон, вводит даже англоязычный неологизм «mediation». С его точки зрения, возведение события в публичный статус медиа-факта коренным образом изменяет саму природу происходящего [9, 241-242]. Дискурсивная его разработка, превращение сообщения в образный медиа-нарратив, как и индивидуально-бытовой характер потребления массового информационного продукта, – не могут не приводить к радикальной мутации самих форм участия широкой общественности в совместном производстве социально значимых смыслов. Непосредственная очевидность события, требующая гражданской активности прямого вмешательства, уступает место семиотической очевидности удаленного наблюдения. Во всяком случае, нарастающая медиатизация публичной сферы значительно уменьшает шансы для рядового обывателя когда-либо оказаться полноправным участником рациональной дискуссии, хоть как-то критически оценить реальное положение

общественных дел. Разумеется, это открывает избыточные возможности для замыслов стратегического характера со стороны медиа: использование элементов мистификации постепенно превращается в рутинную технологию.

Яркой иллюстрацией данного положения мог бы послужить недавний досадный инцидент с компьютерной симуляцией первой полосы британской газеты «Таймс» федеральным телеканалом «Россия» 30 июля 2007 года. «После репортажа о новых претензиях российской прокуратуры к живущему в Лондоне предпринимателю Борису Березовскому ведущий информационной программы Михаил Антонов упомянул о напечатанной в Times статье с критикой в адрес бизнесмена. При этом на экране появилась якобы первая полоса газеты Times, которая совершенно не соответствовала той, которую увидели в понедельник миллионы жителей Великобритании... Коллаж был сделан на основе старого формата верстки, которым газета уже не пользуется» [10, 17].

Отвергая немедленно последовавшие обвинения английской редакции в фальсификации документа, представитель канала попыталась уверить международную общественность в исключительно иллюстративном характере использованного компьютерного шаблона. Оказалось, что в ходе подготовки новостных сюжетов на канале любые цитируемые материалы визуализировались как передовицы, а заголовки даже переводились на русский язык в целях наглядности. В подводке же к сюжету диктор «Вестей» упомянул, что критический комментарий Стефани Марш о Б. Березовском был расположен именно «на одной из полос» номера.

Но ведь любой читатель периодики способен интуитивно различать уровни общественной значимости материалов, размещаемых непосредственно «под шапкой» издания и на шестой странице приложения. Поэтому такого рода сбой действительно можно толковать, в том числе, и как намеренное пропагандистское смещение смысловых акцентов за счет принципиально неконтролируемого реципиентом воздействия технологических, медийных факторов. «Ибо «сообщением» любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела... Каждое средство коммуникации обладает способностью навязывать излишне доверчивым свои допущения» [11, 10, 18].

В связи с рассматриваемой проблемой медиатизации общественного пространства имеет смысл более критично оценить вклад концепции технологического детерминизма М. Маклюэна в популяризацию метафоры скрытого контроля над сознанием человека со стороны всемогущей индустрии СМИ. Как известно, канадский исследователь настаивал

на «импозивном» характере процессов опосредования человеческого восприятия. В момент, когда «расширения» электронных средств общения доходят до «стадии технологической симуляции сознания» в глобальных масштабах, социальная вселенная как бы «схлопывается», сжимается в пространстве и времени, а обособленные до того фрагменты реальности моментально собираются в целостную репрезентацию [11, 57]. Именно в этот момент символический порядок дискурса, свойственный конкретному технологическому средству, становится поистине интегральным способом видения сути вещей: медиум превращается в сообщение. В таком случае переживание иллюзии прямой включенности в ситуацию надежно маскирует не только латентные предпосылки, но и явные предупреждения об условности происходящего, как это произошло в случае с инсценировкой РТБФ. Образно говоря, когнитивная система снабженного протезами дальновидения маклюэновского «киборга» оказывается уже не в состоянии корректно отличить действительные предпосылки существования вещей в мире от медийно кодируемого способа их наблюдения.

Можно заметить: получивший широкий резонанс в кругах европейских интеллектуалов образ зловещей Матрицы, поработавшей живое тело человека в обмен на способность свободного конструирования им смысловой реальности в рамках техногенных систем, — лишь современная адаптация футурологии М. Маклюэна, антиутопическая ее инверсия. Но она мало что способна прояснить в самой коммуникативной природе процессов медиатизации как таковых. Последствия погружения в киберсреду рассматриваются в таком случае преимущественно под углом обнаружения некоего тайного стратегического центра управления за кулисами публичной сцены. «Когда наше тело медиатизировано (поймано в сети электронных медиа), оно одновременно подвергается угрозе радикальной «пролетаризации»: субъект потенциально сведен до чистой пустоты, с этого момента даже мой собственный личный опыт может быть похищен, им может управлять механический Другой» [12]. Таким образом, индивидуалистическая перспектива видения проблемы как нарастания угрозы суверенной автономии личного выбора и порождает в итоге конспирологически обоснованные концепции типа упомянутого выше «информационно-финансового тоталитаризма».

Идейные лидеры медиакритики в России и на Западе, в общем, справедливо обеспокоены процессами концентрации собственности СМИ в руках крупных корпораций, нарастающей коммерциализацией информационных потоков. Но попытки гражданского влияния на информационные процессы путем организации мониторинга или гражданских групп наблюдения за СМИ не

слишком-то способствуют заметному совершенствованию медийных практик. Очевидно, что институциональные истоки последних залегают глубже уровня особенностей организации индивидуального восприятия отдельных представителей массовой аудитории, коренятся в действии неумолимых социальных правил и механизмов. Поэтому заслуживает внимания предложение известного теоретика социальных систем Н. Лумана отказаться от привычного представления о посреднической функции масс-медиа лишь как проводника (или средства переноса) значимой информации. Немецкий социолог предлагает радикально новое смысловое содержание термина «медиум», связывая его с предельно обобщенными онтологическими предпосылками любого формообразования, то есть конституирования границ систем заданного уровня.

По Н. Луману, медиальный субстрат представляет собой просто более свободное, чем в «форме», сопряжение исходных элементов среды определенного типа. Например, «свободно сцепленные слова объединяются в предложения и таким образом обретают некую форму... Действие системы производится таким образом, что она привязывает свой медиум к своим формам, не растрачивая при этом сам медиум (подобно тому, как видение вещей не растрачивает свет)» [13, 13]. При этом действенная актуальность формы обеспечивается медиальной свободой перехода к иным возможностям: этим обеспечивается не только единство смысла в рамках отрабатываемой темы, но и дальнейшие «подсоединения» последующих коммуникативных актов, непрерывность коммуницирования. Таким образом система обретает собственную идентичность в связанном потоке своих элементарных операций. Их обособление, качественная определенность обуславливается кибернетической замкнутостью коммуникативных контуров в соответствующей сфере общества. Например, медиум денег в экономической сфере будет устойчиво воспроизводить (воспринимать) конкретные суммы платежей по сделкам как «собственные значения», упорно отвергая, скажем, уверения в дружбе или призывы к поискам объективной истины со стороны вовлеченных контрагентов. Поэтому коммуникативные операции могут быть интерпретированы как единство трех в высшей мере избирательных моментов: сообщения, понимания и информационного эффекта, изменяющего состояние системы.

Применительно к системам масс-медиа эти обобщенные представления могут быть конкретизированы следующим образом. Технические средства распространения сигнала составляют лишь самый материальный, зримый уровень медиальных предпосылок трансляции сообщений неопределенному числу анонимных получателей.

Вне рамок интерпретирующих актов понимания посланий со стороны массовой аудитории коммуницировать и вырабатывать информацию система не способна по определению. Если же канал трансляции все же обретает более-менее устойчивый круг реципиентов, контур замыкается: пространственно-временная локализация (непосредственное присутствие воспринимающей стороны) в ситуации более не требуется. Система обретает собственную рекурсивную логику функционирования. Базовым ее кодом (ведущей дифференцией) становится активный поиск и переработка свежей информации. Бесконечная череда сенсаций непрерывно переключает общественное внимание в соответствии с уровнем значимости тех или иных событий, а «отработанные» темы, утрачивая актуальность, становятся общеизвестными (социально избыточными) и составляют структурную «память» системы, набор ее интерпретационных схем, или «фреймов».

Таким образом, в ходе коммуникативных операций и возникает специфическое удвоение медиативированных реалий. Подлинным (сущностным) медиумом социальных систем оказывается именно смысловая среда, процессы формообразования которой напрямую зависят от правил функционирования медиа, то есть процедур медиа-фрейминга. «То, что подразумевается под «реальностью», поэтому может быть лишь внутренним коррелятом системных операций, — а никак не качеством, присущим предметам познания, — настаивает Н. Луман. — Реальность... есть всего лишь индикатор для успешных проверок связности и последовательности в системе... Реальность вырабатывается внутри системы через придание смысла... Она возникает, если разрешаются противоречия, которые могут являться следствием участия памяти в системных операциях [14, 16]. Иными словами — то, что квалифицировалось выше как «искажение фактов» или «мистификации», представляется, по сути, системно нормативным способом освоения внешнего мира медийными структурами. При этом вопрос о том, как же обстояли дела «на самом деле», по сути, лишается всякого значения.

Следует отметить, что радикальный характер данного вывода, полученного на основе принципов «кибернетики второго порядка» Хайнца фон Ферстера, пока не обрел всеобщего понимания и поддержки в отечественной академической среде. Хотя, например, в философии Ж. Делеза и Ж. Бодрийара вполне можно выявить концептуальные аналоги, связанные с проблематикой социального функционирования «симулякров». В заключение настоящей статьи, можно было бы провести проблемную верификацию лумановой гипотезы на материале еще одной известной медиа-мистификации, разоблаченной редактором журнала «Ново» из Франкфурта Томасом Дайхманом. 7 августа 1992

года в журнале Daily Mirror была опубликована фотография, ставшая и поводом, и символом боснийской войны. Там была изображена группа мужчин за колючей проволокой — с заголовком Must it go on? (Это должно продолжаться?). Фотография сопровождалась подписью: заключенные мусульмане в сербском концлагере Трнополе. Как выяснил Дайхман, это была не тюрьма, и уж тем более не концлагерь, а просто пункт сбора беженцев. Колючая же проволока, изображенная на фотографии, окружала не лагерь, а фотографа и журналистов. Британские репортеры засняли проволоку со стороны строений на фоне открытого поля, и в результате получилась фотография, глядя на которую создается впечатление, что эти боснийцы действительно находятся за колючей проволокой. Французский журналист Жак Мерлино так прокомментировал события: «История с теми кадрами получилась очень эмоциональной. Все видели эти живые мощи за колючей проволокой — и никого уже не волновало, что это все фальшивка. Кому было интересно, что вся та поездка к беженцам была организована сербскими властями» [15].

Очевидно, что, как и в случае с инсценировкой РТБФ, ключевые смыслы здесь приписаны стратегически. Семантический монтаж основан на использовании интерпретационной модели «преступлений нацизма», а изображение на опубликованной фотографии является лишь контекстно релевантным маркером, оперативно «вызывающим» необходимый фрейм из недр социального опыта европейцев. Фотография здесь ровным счетом ничего не отражает. Она лишь активно конструирует подсказку для сенсационного «прозрения» массового читателя, призванного самостоятельно дорисовать нужную картинку в коллективном воображении. Таким образом, эффект неожиданности строится именно на ожидаемом подтверждении стереотипной схемы интерпретации происходящего, в которой сербскому режиму была заведомо уготована роль неправой стороны. Вопрос только в том, способны ли продукты такого рода медиатизации выстроить достаточно экологичное пространство общественных коммуникаций в информационную эпоху?

*Шаронов Д.И.
Тамбовский государственный
технический университет.
Доцент кафедры связей с общественностью.
dmitrij.sharonov@gmail.com*

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюссель — центр европейского сепаратизма // <http://www.ont.by/programs/programs/panorama/arhiv/0022797/>.
2. Bennett W.L. Mediated Politics: An Introduction / W.L. Bennett, R.M. Entman // Mediated Politics. Communication in the Future of Democracy. — Cambridge, 2001.
3. Современные тенденции информатизации и медиатизации общества: Науч.-аналит. обзор / Т.В. Андрианова, А.И. Ракитов. — М., 1991.
4. Пугачев В.П. Управление свободой / В.П. Пугачев. — М., 2005.
5. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерны к постмодерну / Н.Б. Кириллова. — М., 2006.
6. Новосельцев В.И. Конфликтология / В.И. Новосельцев, Ю.Л. Полевой // Связи с ответственностью. Базовые понятия. Учебное пособие. — Воронеж, 2003.
7. Землянова Л.М. Медиатизация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике / Л.М. Землянова // Вестник Московского университета. — Серия 10. Журналистика. — 2002. — № 5.
8. Giddens A. Modernity and Self- Identity. Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens / — Standford, 1991.
9. Thompson J.V. Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication / J.V. Thompson. — Oxford, 1990.
10. Таймсформеры // Новая газета. — Понедельник. — 2007. — №59 (1279). — 06.08-08.08.
11. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г.М. Маклюэн. — М., 2003.
12. Жижек С. Матрица: истина преувеличений / С. Жижек // <http://www.lacan.com/matrix.html>.
13. Луман Н. Медиакommunikation / Н. Луман. — М., 2005.
14. Луман Н. Реальность массмедиа / Н. Луман. — М., 2005.
15. Гаагское правосудие — фальшивый фотоснимок в деле об осуждении целого народа // <http://www.aviel.ru/txt/new.php?mid=7450713>.

*Sharonov D.I.
Tambov State Technical University.
Associate professor, Chair of Public Relations.
dmitrij.sharonov@gmail.com*